

Стюарт Финкель

ОРГАНИЗОВАННАЯ ПРОФЕССУРА И УНИВЕРСИТЕТСКАЯ РЕФОРМА В СОВЕТСКОЙ РОССИИ (1918—1922)

«Теперь, возможно, более, чем когда-либо, России нужны все формы творчества. Трудящиеся массы ничего не выиграют от ограниченного обучения в железных тисках единственной догмы, чего бы она ни стоила, и учащиеся высших учебных заведений станут объектами чисто механического обучения. Такая упрощенная механизация вещей паразит университетское обучение в самое сердце, она может создать только кастратов мысли, неспособных на самостоятельную созидательную деятельность».¹

«Почти пять лет после завоевания пролетариатом политической власти в его пролетарских государственных школах и университетах старые буржуазные ученые учат молодежь (или, скорее, развращают ее) старому буржуазному вздору».²

В конце Гражданской войны истощенное, но победившее Советское государство, борясь с экономической разрухой, ужасным голодом и восстаниями внутри страны, каким-то образом находило силы обратить внимание на так называемый третий фронт, пытаясь трансформировать некоторые элементы культурной и интеллектуальной жизни, включая высшее образование. При попытках реформировать высшие учебные заведения страны большевики столкнулись с множеством проблем. С одной стороны, преобладание профессуры, не симпатизировавшей коммунизму, которая могла заразить умы студентов, будущей российской элиты, чуждыми идеями, вызывало сильное беспокойство нового руководства. С другой стороны, большевистская партия была еще незначительным меньшинством среди интеллигенции, у нее не было средств для того, чтобы немедленно подчинить себе все высшие учебные заведения. К тому же необходимость восстанавливать разрушенную экономику вызывала потребность использования так называемых буржуазных специалистов, или спецов. Итогом этих различий приоритетов и ограниченности средств была странная смесь уступок и давления, с помощью которой правительство пыталось устано-

¹ Грозная опасность русской науке // Работник просвещения. 1921. № 6. С. 36.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 52.

вить контроль над высшим образованием и устранить худшее из того, что оно считало чуждым, одновременно пытаясь использовать небольшевистскую профессию и сделать минимальным ущерб, наносимый этим ценным институтам.³

Осенью и зимой 1921—1922 гг. профессора ведущих вузов страны, нередко при поддержке своих студентов, громко и горько протестовали против введения нового устава, реформирующего высшее образование. Кульминация событий произошла в феврале 1922 г., когда были проведены так называемые забастовки. Политбюро быстро отреагировало на кризис: его первыми действиями были широкие уступки профессорам и выговор чиновникам, чья неуступчивость спровоцировала их, однако, как мы увидим, уступки были минимальными, а через несколько месяцев против тех, кого сочли виновными в забастовках, были предприняты репрессивные меры.⁴

Реформы, вызвавшие этот протест, имели несколько целей, в том числе внесение изменений в учебные планы социальных и гуманитарных наук; установление нового порядка приема и исключение «ненадежных студентов»; попытка отказаться от администрации, контролируемой профессурой, назначая руководство, более лояльное к новому строю. Две первые инициативы вели к значительному изменению обстановки во многих вузах, к огорчению Старой профессуры, однако они действовали медленно, неровно и только в некоторых случаях. Это доказывают неоднократные попытки реформировать преподавание и пролетаризировать вузы на протяжении 1920-х гг. и недовольство большевистских чиновников при оценке этих усилий. Самых быстрых и внушительных успехов реформа достигла в области установления и удержания контроля над органами управления, положив начало будущим переменам в других областях.

В позднеимперский период большинство профессуры, несмотря на различия политических взглядов, следовало концепции Самуэля Кассова, которую он назвал «идеологией науки». Этого взгляда придерживались преподаватели Университета имени Гумбольдта в Германии. В соответствии с ним задача Высшего образования заключается не только в служении утилитарным интересам государства, но и в просвещении граждан (или хотя бы элит) доступными средствами. Считалось, что университеты и другие высшие школы должны обладать значительной институциональной автономией для ограничения государственного вмешательства. Жестко контролируемые университеты позднеимперской России далеко не соответствовали этому идеалу, в результате многие профессора к 1905 г. все более проникались оппозиционными настрое-

³ Новейшие исследования о попытках обеспечить контроль над высшим образованием в конце гражданской войны см.: *David-Fox Michael*. The Emergence of a 1920s Academic Order in Soviet Russia // *East/West Education*. 1997. № 2. P. 106—142.

⁴ Эти события были описаны в работах: *McClelland J. C.* *Bolsheviks, Professors and the Reform of Higher Education in Soviet Russia, 1917—1921*. New Jersey: Princeton University, 1970; *Idem.* *Bolshevik Approaches to Higher Education, 1917—1921* // *Slavic Review*. 1971. № 4. P. 818—831; *Fitzpatrick Sheila.* *Professors and Soviet Power* // *The Cultural Front: Power and Culture in Revolutionary Russia*. New York, 1992; *David-Fox M.* *The Emergence...* Дж. С. Макклелланд и М. Дэвид-Фокс приходят к схожим выводам, что и я, однако я рассматриваю события глубже. С. Фитцпатрик указывает на первоначальные примирительные жесты режима, однако приуменьшает значение последующих репрессивных мер.

ниями, хотя их устремления были гораздо более скромными, чем у радикально настроенных студентов. Напряженность в отношениях между профессурой и режимом достигла кульминации в 1911 г., когда многие профессора Московского университета в знак протеста подали в отставку.⁵

Февральская революция предоставила кадетской и умеренно социалистической профессуре, казалось, идеальную возможность претворить в жизнь «идеологию науки», и комитет по реформированию высшего образования под руководством зоолога из МГУ (и будущего ректора) М. М. Новикова действовал в этом направлении.⁶ Однако его усилия не принесли результатов из-за падения Временного правительства, и профессорские группы присоединились ко многим другим интеллектуалам в протесте против захвата власти большевиками. Большевистские лидеры, включая А. В. Луначарского, все время помнили об этом. Несовпадение взглядов на университетскую автономию, в которой большевики видели лозунг, маскирующий «корпоративные» интересы профессуры, проявилось почти сразу же. Попытки А. В. Луначарского летом 1918 г. найти приемлемое для обеих сторон решение об управлении университетами потерпели неудачу, лишь увеличив взаимное недоверие.⁷

Попытки начать всеобъемлющие реформы системы высшего образования были отложены на будущее, внимание большевистских лидеров переключилось на более, по их мнению, насущные проблемы. Как едко заметил социолог Питирим Сорокин, «большевики, занятые Гражданской войной, еще не уничтожили всю университетскую жизнь».⁸ Наркомпрос проводил реформы постепенно, наиболее важными среди них были первые попытки ввести «демократизацию» путем предпочтительного приема рабочих и крестьян, организуя рабочие факультеты, которые действовали как подготовительные курсы для абитуриентов пролетарского происхождения, изменить систему назначения на преподавательские должности и учреждение факультетов социальных наук вместо традиционных юридических и историко-филологических факультетов.⁹ Профессура сопротивлялась всем этим реформам, предостерегая, что приток неподготовленных студентов снизит качество образования, протестовала против попыток уничтожить систему коллегиального назначения преподавателей,

⁵ *Kassow Samuel D.* Students, Professors and the State in Tsarist Russia. Berkeley, 1989; *McClelland James C.* Autocrats and Academics: Education, Culture, and Society in Tsarist Russia. Chicago, 1979; *Wartenweiler David.* Civil Society and Academic Debate in Russia, 1905–1914. Oxford, 1999.

⁶ *Новиков М.* От Москвы до Нью-Йорка: моя жизнь в науке и политике. Нью-Йорк, Б. г. С. 220, 269–276; *Novgorotsev Paul J.* Universities and Higher Schools // *Russian Schools and Universities in the World War.* New Haven, 1929. P. 222–223, 232–233; *Konecny Peter.* Builders and Deserters: Students, State and Community in Leningrad. Montreal & Kingston, 1999. P. 39–42.

⁷ *McClelland James C.* The Professoriate in the Russian Civil War // *Party, State and Society in the Russian Civil War.* Bloomington, 1989. P. 243–244, 248–249, 253–259. *Konecny Peter.* Builders... P. 43–44.

⁸ *Sorokin Pitirim.* Leaves from a Russian Diary. New York, 1924. P. 212.

⁹ Подробнее я пишу об этом в третьей части моей диссертации «Scholarly Transgressions: The Expulsion of Intellectuals and the Politics of Culture in Soviet Russia, 1920–24»; см. также: *McClelland J. C.* Bolsheviks, Professors and Reform. Chap. 1–4; *Idem.* Bolshevik Approaches: *David-Fox M.* The Emergence... P. 109–17; *Fltpatrick Sheila.* The Commissariat of Enlightenment. Cambridge, 1970. P. 78–83; *Смирнова Т. М.* История разработки и проведения в жизнь первого советского устава высшей школы // Государственное руководство высшей школой в дореволюционной России и в СССР: Сб. статей. М., 1979. С. 7–17.

иронезировала над новыми курсами марксизма и исторического материализма, введенными на факультетах социальных наук. В начальный период реформ они не оказывали заметного влияния на уровень образования, социальный состав студенчества менялся постепенно. Изменения в составе профессуры были минимальными, если не считать профессоров, уехавших в эмиграцию или умерших во время Гражданской войны, а немногие большевики, способные преподавать, например Н. И. Бухарин и М. Н. Покровский, были обычно слишком заняты более насущными делами.

Несмотря на усилия Наркомпроса, новый режим до конца Гражданской войны оказал незначительное влияние на демократизацию высшего образования. Как показали Джеймс Маклелланд и Майкл Дэвид-Фокс именно период Гражданской войны можно считать относительно «либеральным» по отношению к высшему образованию, но начало НЭПа компенсировало этот либерализм настойчивым вмешательством со стороны партийно-государственных органов в дела высшего образования,¹⁰ которое осуществлялось с активным участием высшего партийного руководства, включая В. И. Ленина, особенно во времена кризиса. Е. А. Преображенский, член ЦК РКП(б), возглавил Главпрофобр, орган внутри Наркомпроса, отвечавший за высшее образование, при этом создалась ситуация, при которой А. В. Луначарский оказался внутри партии младшим по должности своего номинального и менее склонного к компромиссу подчиненного. Первым признаком новой волны реформ было введение вузовской администрации, в которой преобладали большевики или сочувствующие им. Это была нелегкая миссия, если учесть малочисленность профессоров-большевиков: режиму приходилось назначать на административные должности не только молодых преподавателей, но также студентов и представителей «заинтересованных учреждений» вне университетов, включая профессиональные союзы и местных правительственных чиновников.

В первую очередь новые правила были введены в двух самых важных учебных заведениях страны: МГУ и Московском высшем техническом училище (МВТУ): оба они получили осенью 1920 г. новые уставы, трансформировавшие их правление. В МГУ Главпрофобр заменил ректора М. М. Новикова, несмотря на протесты профессуры, преподавателем-коммунистом Д. Н. Боголеповым, чья жесткая политика настолько возмутила профессуру, что он, в свою очередь, был заменен более тактичным большевиком В. П. Волгиным.¹¹ Ситуация в МВТУ стала еще более напряженной после того, как Е. А. Преображенский заменил выборное правление другим, назначенным Главпрофобром, встретив громкое одобрение радикальных большевистских студенческих ячеек. Однако оскорбленные профессора объявили забастовку, а А. В. Луначарский

¹⁰ *McClelland J. C. Bolsheviks, Professors and Reform; David-Fox M. The Emergence...* P. 109, 112.

¹¹ *Новиков М. М. Московский университет в первый период большевистского режима // Московский университет, 1755—1930. Париж: Современные записки, 1930. С. 191; Новиков М. Судьба российских университетов // Русская школа за рубежом. 1924. № 5—6. С. 8—9; Стратонов В. В. По волнам жизни; Воспоминания. Ч. 3: 1914—1922 // ГАРФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 669. Л. 1222; Положение о временном президиуме Московского государственного университета (учреждено Коллегией научного сектора Наркомпроса 29 сентября 1920г.) // Народное просвещение. 1920. № 69—70 (6 июля). С. 14; *McClelland J. C. Bolsheviks, Professors and Reform...* P. 339—340; *Смирнова Т. М. История разработки...* С. 18—20.*

раскритиковал Е. А. Преображенского за провоцирование конфликта. Проанализировав ситуацию, Политбюро стало на сторону А. В. Луначарского и распорядилось образовать временное компромиссное правление. В то же время оно жестко предостерегло профессоров от неподчинения властям в будущем.¹²

В. И. Ленин также предложил А. В. Луначарскому разработать документ, который бы удовлетворял требованиям всех сторон. На совещании лета 1921 г., с участием представителей организованной профессуры, но с преобладанием чиновников Наркомпроса и студентов-коммунистов, был составлен комплекс правил, призванных, в частности, изменить правление вузов. Преодолев упорное сопротивление группы профессоров и сочувствовавших им «беспартийных» студентов во главе с петроградским медиевистом Л. П. Карсавиным, оно утвердило проект устава, подготовленный Главпрофобрм.¹³ Устав, подтверждая, что роль вузов состоит прежде всего в служении интересам государства посредством подготовки специалистов, ослаблял контроль профессуры над вузовской администрацией путем сложного сочетания выборов и назначений. Каждая из пяти выборных курий, состоящих соответственно из профессоров, младших преподавателей, студентов, служащих и членов посторонних «заинтересованных учреждений», составляла лист кандидатов, из которых Главпрофобр затем назначал ректора и правление.¹⁴ Ученые советы, которые обычно принимали основные решения, были лишены большинства своих функций. К тому же, наряду с обычными кафедрами и отделениями, образовывалась новая административная единица, предметная комиссия, чтобы ослабить значение факультетских советов при составлении учебных планов и другой деятельности.

Попытка Главпрофобра ввести в действие устав, одобренный в сентябре 1921 г. ВЦИКом, вызвала массовое замешательство. По всей стране профессора, к которым зачастую присоединялись сочувствующие студенты, громко и резко критиковали новую выборную систему. В некоторых вузах большевистские студенческие ячейки пытались взять в свои руки выборы в студенческих куриях. Результаты выборов были встречены всеми сторонами с неудовлетворением. Студенты-коммунисты жаловались на накаленную атмосферу противостояния между «профессурой, защитницей буржуазной идеологии и буржуазного строя», и студентами-коммунистами и их сторонниками на рабфаках и среди вузовских служащих.¹⁵ Профессора предупреждали, что новые правила приведут к дальнейшему развалу высшего образования и что «в интересах страны» ученым надо позволить управлять самим деятельностью учебных заведений.

¹² А. В. Луначарский — В. И. Ленину, 13 апреля 1921 г. // В. И. Ленин и А. В. Луначарский: Переписка, доклады, документы // Литературное наследство. 1971. Т. 80. С. 272—273; Протокол № 13 заседания Политбюро ЦК РКП(б) от 19.IV.1921 г. // РГА СПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 150. Л. 1; От Народного комиссариата по просвещению // Правда. 1921. 19 апр.; В. И. Ленин — Е. А. Преображенскому. 19 апреля 1921 г. // Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 52. С. 155.

¹³ Всероссийская конференция высших учебных заведений // Народное просвещение. 1921. 20 мая. № 82. С. 7—8; Поправки к положению о высших учебных заведениях РСФСР, внесенные на конференции и не получившие большинства <июнь 1921 г.> // ГАРФ. Ф. 2306. Оп. 1. Д. 597. Л. 7—9 об.

¹⁴ Положение о высших учебных заведениях // Профессионально-техническое образование в России за 1917—1921 гг.: Юбилейный сборник. М.: Госиздат, 1922. С. 66—72; McClelland J. C. *Bolsheviks, Professors and Reform...* P. 364—374.

¹⁵ Протокол общегородской конференции коммунистических ячеек высших учебных заведений Москвы, 14 октября 1921 г. // РГАСПИ Ф. 17. Оп. 60. Д. 76. Л. 12—12 об.

Профессора престижного Петроградского технологического института утверждали: «Новое положение ставит научных работников в положение пассивных исполнителей... Лишенные права собираться в совете или на заседаниях факультета, лишенные права заполнять собственный персонал, выбирать ректора, деканов, президиум и правление, мы превращены в простых служащих, отстраненных от научно-преподавательских обязанностей, лишенных всякой солидарности. ...Если положение будет строго проводиться, вузы будут быстро двигаться в направлении беспорядка и развала».¹⁶

Несмотря на недовольство и взаимные обвинения, большинство вузов провели выборы в ноябре и декабре 1921 г.¹⁷ Однако правления, назначенные Главпрофобротом посредством отбора из намеченных кандидатов, во многих случаях не удовлетворили ни радикально настроенных студентов, ни профессорские советы.

К концу года профессорские протесты стали принимать более организованный и последовательный характер. Чаще всего возражения против новых реформ сочетались с жалобами на материальные трудности профессоров и студентов и на финансовый кризис самих вузов. Режиму вменялось в вину то, что он не проявлял достаточной заботы о национальных высших учебных заведениях, что он поставил их на грань полного разорения и таким образом поставил под угрозу будущее страны в целом. Петроградский объединенный совет научных и высших учебных заведений, наиболее важный из уцелевших независимых профессорских коллективов, издал прокламацию. Она критиковала не только положение, но и сам Наркомпрос. Тенденция к централизованному назначению профессоров характеризовалась в ней как «слепое бюрократический» шаг, который наряду с назначением административных правлений «ведет вузы к полному разрушению».¹⁸ В нескольких петроградских вузах прекратились занятия. Непосредственной причиной были названы недостаток топлива и другие материальные проблемы, и хотя Главпрофобр объявил это «недопустимым», он не озаботился разрешением проблемы.¹⁹

¹⁶ Заключение совета Технологического института о новых вузовских правилах, принятое на заседании 21 сентября 1921 г., подписанное ректором Д. Зерновым и управляющим Е. Ломшаковым // ГАРФ. Ф. 1565. Оп. 18. Д. 21. Л. 127.

¹⁷ Правления всех московских вузов были утверждены президиумом Главпрофобра 30 декабря 1921 г. // ГАРФ. Ф. 2306. Оп. 1. Д. 596. Л. 120—120 об.

¹⁸ Постановление общего собрания совета Н. У. и вузов от 26 января 1922 г. // ЦГА СПб. Ф. 7240. Оп. 14. Д. 16. Л. 217—218. Эти жалобы нашли отклик в нескольких декларациях, изданных профессорским советом ПУ и затем принятых объединенным советом: Записка Петроградского университета и высшей школы вообще. Препровождается по постановлению совета Петроградского университета от 20 февраля 1922 г. // ГАРФ. Ф. 2306. Оп. 1. Д. 598. Л. 231—235 об.; Записка Петроградского университета от 27 февраля 1922 г. // ЦГА СПб. Ф. 7240. Оп. 14. Д. 16. Л. 212—214 об.

¹⁹ 15-е заседание президиума коллегии Главпрофобра от 26/ХІІ-1921 г. Председатель В. П. Волгин, секретарь М. Г. Алмазов // РГА СПИ. Ф. 17. Оп. 60. Д. 75. Л. 15—15 об.; Протокол 98-го заседания (экстренного) коллегии Главпрофобра от 28/ХІІ-1921 г. Председатель Е. А. Преображенский, секретарь М. Г. Алмазов // ГАРФ. Ф. 2306. Оп. 1. Д. 596. Л. 118. Несмотря на попытки Главпрофобра разрешить материальный кризис, занятия в Петроградском политехническом институте не возобновлялись несколько месяцев (*Бурцев Г. В.* Политехнический институт в первые годы советской власти (1918—1922) // Труды Ленинградского политехнического института. 1957. №190. С. 106).

Угроза прекращения занятий в МГУ вызвала серьезную обеспокоенность высшего руководства. 27 января 1922 г. декан физико-математического факультета В. В. Стратонов, один из лидеров независимо мыслящих профессоров, убедил своих коллег отказаться от продолжения преподавания до тех пор, пока не будет создано общее собрание всех университетских профессоров (как он позднее заметил, самостоятельно созывать собрания по новым правилам не допускалось).²⁰ Несмотря на отрицательное отношение к этому ректора В. П. Волгина и других коммунистов в правлении МГУ, это собрание состоялось через несколько дней и приняло декларацию о желании начать забастовку, которая была послана непосредственно в Совнарком.²¹ В этой декларации осуждался режим за «катастрофическую» материальную деградацию вузов и в особенности за тяжелое положение, в котором профессора были вынуждены жить. «Как это парадоксально», отмечал совет МГУ, «что профессор в высшем техническом институте — специалист по легкому транспорту, уникальный в России, получает в пять раз меньше, чем шофер, который его возит».²²

Призыв к забастовке в важнейшем университете страны сразу же привлек внимание высших властей. Политбюро, пять раз обсуждавшее проблему в течение первых двух недель февраля, предложило Наркомпросу предотвратить забастовку «без применения репрессий», найти способ заплатить профессорам и сформировать комиссию вместе с представителями профессоров. Главпрофобру было указано при назначении правлений оказывать предпочтение профессорским кандидатам, а сердитое возражение Е. А. Преображенского против этого компромиссного решения привело через несколько недель к его отстранению с поста главы Главпрофобра.²³ В то же время А. В. Луначарский стал укорять профессоров за «крайнюю беспорядочность» их тактики, выразив «строжайшее осуждение» их желания бастовать и предложив возобновить занятия.²⁴ А. Д. Цюрупа, член Совнаркома, поставленный во главе особой комиссии Политбюро по вузам, спешно созвал совещание с делегацией от профессорского совета МГУ. Делегаты жаловались на плохие материальные условия.

²⁰ Постановление экстренного заседания физико-математического факультета от 27 января 1922 г. о союзе общеуниверситетского совещания профессорско-преподавательского состава для обсуждения материального положения университета // Центральный муниципальный архив Москвы (ЦМАМ). Ф. 1609. Оп. 1. Д. 610. Л. 1—2; *Стратонов В. В.* Потеря Московским университетом свободы // Московский университет. С. 219—220.

²¹ Возражения правления были высказаны на заседании правления и президиума МГУ 28 января 1922 г. // ЦМАМ. Ф. 1609. Оп. 1. Д. 531. Л. 1—3 об.; Профессорское собрание описано: *Стратонов В. В.* Потеря... С. 221—222.

²² В совет народных комиссаров. Постановление объединенного собрания профессоров университета 1 февраля <1922> г. // ГАРФ. Ф. 130. Оп. 6. Д. 871. Л. 2—5.

²³ Протокол № 93 заседания ЦК РКП(б) от 2.11.1922 г. // РГА СПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 259. Л. 3; Протокол № 93-а заседания ЦК РКП(б) за 1922 г. <от 6 февраля> // Там же. Д. 260. Л. 1—2; Протокол заседания ЦК РКП(б) от 9.11.1922 г. // Там же. Д. 261. Л. 2; Протокол № 95 заседания ЦК РКП(б) от 11.11.1922 г. // Там же. Д. 263. Л. 2; Протокол № 97 заседания ЦК РКП(б) от 13.11.1922 г. с приложением: Постановление комиссии ЦК по вопросу о высшей школе // Там же. Д. 265. Л. 3, 10. См. также; *Красильников С. А.* Политбюро, ГПУ и интеллигенция // Интеллигенция, общественная власть: Опыт взаимоотношений (1917—1930 гг.). Новосибирск, 1995. С. 44—45.

²⁴ К профессуре и студентам высших учебных заведений Москвы, февраль <не позднее 6> 1922 г. // ЦМАМ. Ф. 1992. Оп. 1. Д. 163. Л. 18—19.

В ответ А. Д. Цюрупа сообщил о принятых мерах для исправления положения, но отметил, что будут произведены сокращения, в том числе закрытие некоторых новых вузов (делегация МГУ поддержала это решение, видя в нем способ финансовой поддержки старых, более важных вузов). Однако А. Д. Цюрупа также предупредил профессоров о недовольстве ими режима, и вслед за А. В. Луначарским осудил их за объявление забастовки, вместо того чтобы действовать «пристойным образом».²⁵

Этих мер оказалось достаточно для прекращения забастовки в МГУ, но недостаточно для ликвидации недовольства в целом. В Московском высшем техническом училище вновь возникли недовольства административными назначениями. Когда в конце декабря Главпрофобр назначил новое правление с преобладанием коммунистов, включая ректора А. Тищенко, который лишь недавно снова начал преподавать, профессора отвергли его, заявив, что «какая-либо нормальная жизнь в МВТУ возможна только при условии, что ректор и правление будут пользоваться доверием преподавательской коллегии».²⁶ На протяжении января новое и старое правление встречались и заявляли свои претензии, а Е. А. Преображенский сообщил профессорам, что их избранник И. А. Калинин не будет утвержден ни при каких обстоятельствах.²⁷ После неудачи попыток достичь компромисса Главпрофобр утвердил новое правление, и И. А. Калинин пришлось уступить ректорство А. Тищенко. В ответ члены правления — некоммунисты отказались работать, а деканы и секретари всех четырех факультетов училища в знак протеста подали в отставку.²⁸ Через несколько недель профессорская коллегия наметила на неизбежность забастовки, и снова А. Д. Цюрупа, на этот раз вместе с И. В. Сталиным, был послан для «усмирения». Профессора пожаловались им на постоянные трения с Главпрофобром, который они откровенно называли «пустым местом», и предъявили два требования: назначить новую компромиссную администрацию, а Наркомпросу выделять бюджетные средства в первую очередь старым известным вузам. Не одобряя методы, которыми действовали профессора, А. Д. Цюрупа и И. В. Сталин тем не менее нашли компромиссное решение.²⁹

²⁵ Стенограмма приема тов. Цюрупой делегации от 1-го Московского государственного университета, 4 февраля 1922 г. // ГАРФ. Ф. 2306. Оп. 1. Д. 298. Л. 253—265.

²⁶ Постановление общего собрания преподавательской коллегии Московского высшего технического училища от 4 января 1922 г. Председатель собрания профессор П. Худяков // ГАРФ. Ф. 1565. Оп. 18. Д. 5. Л. 60.

²⁷ Журнал № 2 заседания нового правления Московского высшего технического училища от 6-го января 1922 г. // ЦМАМ. Ф. 1992. Оп. 1. Д. 159. Л. 2; Выписка из протокола общего собрания преподавательской коллегии Московского высшего технического училища 16 января 1922 г. Председатель собрания А. Чичибабин, секретарь С. Фиников // ГАРФ. Ф. 1565. Оп. 18. Д. 5. Л. 59—59 об.

²⁸ ЦМАМ. Ф. 1992. Оп. 1. Д. 159. Л. 11, 13—14; Д. 152. Л. 14, 17, 24, 33; Д. 163. Л. 16—16 об.; Ф. 1565. Оп. 18. Д. 5. Л. 45—46, 48—57 об.

²⁹ Стенограмма заседания представителей высших учебных заведений с т. Цюрупой и Сталиным 14 февраля 1922 года // ГАРФ. Ф. 1565. Оп. 18. Д. 5. Л. 21—38. И. В. Сталин спросил представителей, что они думают о Варваре Яковлевой, которая недавно была назначена заместителем Е. А. Преображенского (и должна была стать его преемником), на что один из профессоров ответил: «я не знаю, но настроение против нее. Говорили, что она служила в ЧК». И. В. Сталин неопределенно ответил: «Вроде она в какой-то момент служила», на что профессор мрачно отреагировал: «Это создает особую ауру».

Однако, несмотря на эти уступки, собрание состоялось слишком поздно, чтобы предотвратить задержку с началом весенних занятий. А. Д. Цюрупа заявил, что эта акция «подрывает основания для переговоров, которые начались», и потребовал, чтобы деканы вернулись к исполнению своих обязанностей. Конфликт был исчерпан только после того, как было, наконец, утверждено компромиссное бюро из трех профессоров и двух коммунистов.³⁰ Но даже это не прекратило конфликт властей с главным техническим институтом страны. Лидеры профессоров МВТУ жаловались высшему руководству, что после встречи с А. Д. Цюрупой «мирная преподавательская работа сделалась крайне трудной из-за политического давления, которое систематически ведется против преподавательской коллегии». Они напоминали о нескольких бранных статьях в «Правде», которые, как они опасались, были признаками грядущих арестов, и заявляли, что настало время отложить вражду и работать вместе в интересах спасения России от полного разрушения.³¹

В Петрограде критика политики режима в области высшего образования оставалась бескомпромиссной. В феврале вице-ректор Борис Одинцов сообщил на собрании профессоров, что университет находится под угрозой закрытия из-за недостатка финансовых ресурсов. Противоречия усилились, когда Главпрофобр назначил правление, состоящее из двух кандидатов, предложенных профессорами, и трех кандидатов, выставленных местными чиновниками. Недовольные такой расстановкой, два профессорских кандидата, включая Л. П. Карсавина, который должен был стать новым ректором, отказались занять посты. Профессорский совет констатировал, что «единственным решением в данное переходное время и до рассмотрения нового устава является правление, составленное исключительно из профессорских кандидатов».³² В Москву была послана делегация для встречи с В. Н. Яковлевой, новым главой Главпрофобра, и В. П. Волгиным, который кроме ректорства в МГУ возглавлял также совет Главпрофобра по делам вузов. Делегация явно надеялась, что непосредственное вмешательство из Москвы поможет уладить отношения с петроградским отделением Главпрофобра. В. Н. Яковлева отказалась признать, что профессора представляют петроградский «Объединенный совет», так

³⁰ Телефонограмма представителям профессуры МВТУ, профессорам Рамзину, Кругу. Копии в Наркомпрот. А. В. Луначарскому, Главпрофобр В. Н. Яковлевой, правлению МВТУ, за Председателя СНК А. Д. Цюрупа, 17.11.1922г. // ЦМАМ. Ф. 1992. Оп. 1. Д. 159. Л. 30; Выписка из протокола общего собрания преподавателей коллегии Московского высшего технического училища 20 февраля 1922 г. // ГАРФ. Ф. 1565. Оп. 18. Д. 5. Л. 14; В правление Московского высшего технического училища, ГПО Совет по делам вузов, 7 марта 1922. Председатель совета по делам В. Волгин // ЦМАМ. Ф. 1992. Оп. 1. Д. 163. Л. 37.

³¹ Председателю Совета Народных Комиссаров: По поручению преподавательской коллегии <МВТУ>. Подписано Н. Алексеевым, М. Лукиным, Б. Цыдзиков, Я. Катусевым, А. Чичибабыным, Ф. Герке, А. Бовчаром, П. Велиховым, И. Калининковым, П. Худяковым 17 марта 1922г. // ЦМАМ. Ф. 1992. Оп. 1. Д. 159. Л. 49—50.

³² Протокол заседания совета Петроградского университета 20 февраля 1922г. Председатель ректор В. Шимкевич // ЦГА СПб. Ф. 7240. Оп. 14. Д. 16. Л. 206—206 об.; Протокол 34-го заседания совета по делам высших учебных заведений Главпрофобра 22 февраля 1922г. Председатель В. П. Волгин // ГАРФ. Ф. 1565. Оп. 3. Д. 96. Л. 36; Протокол заседания совета Петроградского университета 16 марта 1922 г. Председатель ректор В. Шимкевич // ЦГА СПб. Ф. 7240. Оп. 14. Д. 16. Л. 210 об.—211.

как она о нем впервые слышит, но обещала выплатить зарплату и образовать комиссию для решения финансового кризиса. Хотя она предложила компромиссное решение в отношении назначения правления, при котором Б. Одинцов был бы возвращен на пост ректора, проблема еще не была разрешена.³³

Изменения в уставе обсуждались на специальных закрытых партийных собраниях, созванных в начале апреля. На них компромиссные предложения А. В. Луначарского подверглись критике со стороны не только коммунистических студенческих ячеек, но и «красных» профессоров и даже В. Н. Яковлевой, которая, как сердито заметил А. В. Луначарский, не считала себя связанной «коллегиальной дисциплиной». Предложенные А. В. Луначарским и М. Н. Покровским поправки, в том числе условие, что «при нормальных условиях ректоры должны назначаться исключительно из кандидатов, предлагаемых профессорами», хотя и не прошли через голосование, были утверждены Политбюро. Однако существовала важная поправка, что Главпрофобр может игнорировать профессорских кандидатов, если отсутствуют «нормальные условия», а Политбюро добавило замечание, что Наркомпрос должен представлять в ЦК ежемесячные «письменные доклады о политических настроениях утвержденных ректоров».³⁴ Новый устав был формально утвержден Совнаркомом в июле, и существовало обещание, что ректоры будут назначаться из кандидатов, выдвигаемых профессорами, принцип назначения все же остался. Вопреки рекомендациям профессорских представителей новые формы организации, включая предметные комиссии, не были изменены, коллегиальным вузовским и факультетским советам не были возвращены прежние полномочия.³⁵

Время для уступок и переговоров, как оказалось, истекало. А. В. Луначарский не получил поддержки правительственных чиновников на собраниях на высшем уровне по финансовому кризису в высшем образовании. Хотя и были предприняты меры для улучшения ситуации в учебных заведениях, в частности выплачена задержанная зарплата, главная их направленность состояла в масштабном закрытии или слиянии учебных заведений, открытых после 1917 г.³⁶ Профессорские организации продолжали выражать недовольство тем, как режим, и в особенности Наркомпрос, проводил политику в области высшего образования, и А. В. Луначарского эта критика все больше раздражала. В то же время В. И. Ленин и другие члены ЦК стали серьезнее воспринимать обвинения профессуры на страницах «Правды», редактором которой, и это не простое совпадение, был Е. А. Преображенский, что лидер кадетских эмигрантов

³³ Протокол заседания совета Петроградского университета 20 марта 1922 г. Председатель ректор В. Шимкевич // ЦГА СПб. Ф. 7240. Оп. 14. Д. 16. Л. 225—227 об.; Протоколы заседания правления Петроградского университета 23 марта и 6 апреля 1922 г. // ЦГА СПб. Ф. 7240. Оп. 14. Д. 150. Л. 65 об.—66, 74 об.—75.

³⁴ *Красильников С. А.* Политбюро, ГПУ и интеллигенция; Протокол № 2 заседания Политбюро ЦК РКП(б) от 13 апреля 1922 г. // РГА СПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 288. Л. 4.

³⁵ Положение о высших учебных заведениях. М.; Главпрофобр, 1922; Изменения, внесенные в положение о вузах, утвержденные Совнаркомом 19 сентября 1921 г. // ГАРФ. Ф. 2306. Оп. 1. Д. 1077. Л. 17—18. Дальнейшие изменения, предложенные профессорами, большинство которых было проигнорировано, см.; ГАРФ. Ф. 2306. Оп. 1. Д. 598. Л. 163—164.

³⁶ Записки межведомственной комиссии по вузам от 21 и 25 февраля // ГАРФ. Ф. 2306. Оп. 1. Д. 1322. Л. 49—69.

П. Н. Милюков инициирует из Парижа профессорский протест. Лишь через две недели после того, как Политбюро предписало принять примирительные меры, В. И. Ленин сообщил Л. Б. Каменеву и И. В. Сталину о том, что скоро появится необходимость «нанести удар» и арестовать десятки профессоров.³⁷ На заседании Совнаркома в начале мая В. В. Стратонова и других профессоров предостерегли, предложив смягчить тон своих выступлений, а в особенности воздержаться от критики А. В. Луначарского и Наркомпроса.³⁸ Через неделю А. В. Луначарский и В. Н. Яковлева отдали распоряжение о ликвидации петроградского «Объединенного совета», последнего значительного независимого профессорского коллектива, и предупредили о невозможности существования подобных организаций, добавив, что участие в таких нелегальных «собраниях» приведет к серьезным последствиям.³⁹ Для замены этого совета официальной (лояльной) организацией для диалога ученых, были проведены «ректорские совещания» под председательством В. П. Волгина и В. Н. Яковлевой, которые созывались весной и летом и на которых вузовские проблемы обсуждались в гораздо более спокойной манере.⁴⁰

Запрещение независимых организаций смягчило тон критики официальной политики в области высшего образования, а Главпрофобр продолжал насаждать по всей стране лояльные правления в вузах. После решений в мае 1922 г. петроградских властей, глава которых Г. Е. Зиновьев давно пользовался дурной славой у местных интеллектуалов, в отношении высших учебных заведений попытка достичь компромисса с профессорами Петербургского университета были исключены с назначением Н. С. Державина на должность ректора. Он не был большевиком, но основал сильную прооктябрьскую группу «левой профессуры». После следующих «выборов», проведенных под непосредственным наблюдением Г. Е. Зиновьева и М. Н. Покровского, к Н. С. Державину в правлении присоединились несколько большевиков.⁴¹ Весной и осенью 1922 г. те,

³⁷ Милюков Я. Я. Кадеты за работой // Правда. 1922. 17 февр.; Я. Я. Милюков только предполагает // Правда. 1922. 21 февр.; В. И. Ленин — Л. Б. Каменеву и И. В. Сталину, 21 февраля 1922 г. // Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 54. С. 177; Мих. Корбут. Директива Милюкова и казанская профессура // Правда. 1922. 3 марта.

³⁸ Стратонов В. В. Потеря... С. 232—234; Постановление Совета народных комиссаров, 10 мая 1922 г. // ГАРФ. Ф. 130. Оп. 6. Д. 1а. Л. 151—152.

³⁹ Протокол № 25/35 заседания президиума Коллегии Наркомпроса от 16 мая 1922 г. Председатель А. В. Луначарский // ГАРФ. Ф. 2306. Оп. 1. Д. 1227. Л. 1; В правление вузов заведующий Главпрофобром В. Яковлева. 18.V.1922 г. // ЦМАМ. Ф. 1992. Оп. 1. Д. 159. Л. 87—88. Независимый Московский союз деятелей науки был ликвидирован годом раньше в значительной мере благодаря энергичным усилиям М. Н. Покровского.

⁴⁰ Протоколы заседаний ректорского совещания по вопросам высшей школы при Главпрофобре, № 1—6 <9 мая—10 октября 1922> // ЦМАМ. Ф. 1609. Оп. 1. Д. 529. Л. 1—15 об.

⁴¹ Выписка из протокола заседания М. президиума Петрогубисполкома от 3.V.1922 г. Секретарь Н. Комаров // ЦГА СПб. Ф. 2556. Оп. 1. Д. 319. Л. 1; Протокол № 46 заседания Совета высших учебных заведений Главпрофобра 17 мая 1922 г. Председатель В. П. Волгин // ГАРФ. Ф. 1565. Оп. 3. Д. 96. Л. 81; Купайгородская А. П. Высшая школа Ленинграда в первые годы советской власти (1917—1925). Л., 1984. С. 109; Ректору Петербургского университета, 1.VI.1922 г. Петроградский комитет профессионально-технического образования. За уполномоченного Наркомпроса по делам петроградских вузов Клейнштейн. Секретарь совета по делам вузов Сахаров // ЦГА СПб. Ф. 2556. Оп. 1. Д. 319. Л. 3; Выписка из протокола заседания бюро Петроградского губернского комитета РКП(б) от 9.XI.1922 г. // ЦГА СПб. Ф. 2556. Оп. 1. Д. 319. Л. 8.

кто особенно активно сопротивлялся введению нового устава, в том числе В. В. Стратонов, М. М. Новиков, Б. Одинцов и Л. П. Карсавин, так же как и значительное число преподавателей гуманитарных и социальных дисциплин, были арестованы и насильственно высланы из советской России. Другие профессора и студенты были арестованы и либо отпущены, либо высланы в провинцию.⁴² К осени 1922 г. в ранее оппозиционно настроенном профессорском совете МГУ, находившемся теперь под жестким контролем В. П. Волгина, можно было услышать лишь несколько слабых несогласных голосов.⁴³ В 1923 г. Главпрофобр внимательно следил за применением нового положения, особенно за организацией лояльных и по возможности коммунистических правлений. Хотя кое-где наблюдались упорные «антисоветские» настроения, В. Н. Яковлева и ее коллеги были вполне удовлетворены той перестройкой, которую им удалось провести в течение предшествующих полутора лет.⁴⁴ К середине 1923 г. она могла с уверенностью сказать: «мы перестроили управление высшей школой так, что мы можем уже диктовать ей ее задачи, наблюдать за их выполнением и принимать меры против их искажения».⁴⁵ Движение за университетскую автономию потерпело поражение, восторжествовала система назначений.⁴⁶

Административный переворот в российских вузах был первым успешным шагом среди попыток нового строя трансформировать учреждения высшего образования. Реформа программы преподавания социальных предметов, несмотря на отстранение наиболее ненадежных преподавателей и упразднение старых факультетов, осуществлялась медленно на протяжении всего десятилетия. Пролетаризация студенческого корпуса также наталкивалась на препятствия, несмотря на многочисленные чистки, призванные устранить чуждые элементы и постепенно увеличить долю студентов-коммунистов. Высылка из страны профессоров гуманитарных и социальных наук не облегчила полную коммунизацию высшего образования из-за сохранявшейся малочисленности ученых-коммунистов. Сосредоточив внимание прежде всего на административном контроле, большевистское руководство достигло главной цели — вырвало высшее образование из рук коллективной профессуры и подчинило его общегосударственной политике. Другие преобразования встретили гораздо меньшее сопротивление, преодолеть которое было гораздо легче. Независимые профессорские коллективы прекратили существование. Открытую критику политики в сфере высшего образования заставили замолчать, и с тех пор больше не было повторения беспорядков февраля 1922 г.

⁴² Подробно об арестах и высылках см. части 6 и 7 моей диссертации.

⁴³ Протоколы общего собрания профессоров для избрания преподавателей в Совете Правления и Совет МГУ, 21.X.1922г. // ЦММ. Ф. 1609. Оп. 1. Д. 530. Л. 1—28 об. Небольшая группа профессоров-преподавателей во главе с математиком В. А. Костицыным, бывшим большевиком, который был союзником В. В. Стратонова во время февральских протестов, выражала свое недовольство преобладанием лоялистов в профессорском совете (Там же. Л. 2—3).

⁴⁴ Сообщения высших учебных заведений о перестройке работы в связи с введением в жизнь нового Положения о вузах, май—декабрь, 1923 г. // ГАРФ. Ф. 1565. Оп. 18. Д. 11.

⁴⁵ Яковлева В. Н. Организация высшей школы // Высшая школа в РСФСР и новое студенчество: Альбом. М., 1923. С. 22.

⁴⁶ McClelland J. C. Bolsheviks, Professors and Reform. P. 396—400.